

*И. С. Богданов**

ИЖОРСКИЙ ЭТНОС И ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК: СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье прослежена ретроспектива выделения ижорского языка из группы прибалтийско-финских языков, освещены различные концепции происхождения языка. Прослежена история распространения и функционирования диалектов ижорского языка, динамика бытования языка в условиях российской (в т. ч. советской) государственности. Проанализирован материал по сбору и научной рефлексии в отношении уникального бесписьменного языка, означены основные этапы его развития и угасания.

Ключевые слова: коренной малочисленный народ, ижоры, ретроспектива и перспектива, язык, этнография, традиция.

Ivan S. Bogdanov

*IZHORSKY ETHNOS AND IZHORSKY LANGUAGE:
SOVIET HISTORY AND POST-SOVIET PROSPECTS*

The article traces the retrospective of the separation of the Izhora language from the group of Baltic-Finnish languages, highlights various concepts of the origin of the language. The history of the distribution and functioning of the dialects of the Izhora language, the dynamics of the existence of the language in the conditions of Russian (including Soviet) statehood is traced. The material on the collection and scientific reflection on the unique unwritten language is analyzed, the main stages of its development and extinction are indicated.

Keywords: indigenous small-numbered people, Izhora, retrospective and perspective, language, ethnography, tradition.

Существуют две основные концепции происхождения народа *ижоры*. Обе концепции основаны на заключении российского этнографа А. М. Шёгрена

* Богданов Иван Сергеевич — аспирант, Российский государственный университет им. А. И. Герцена, РХГА им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург); ivan-bogdanov-97@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

о сходстве ижор с карелами, сделанным им ещё в XIX в. [см.: 1, 27]. Различия в существующих гипотезах заключаются в трактовке вопроса: являются ли ижоры и карелы «равноправными» потомками некогда единого племенного образования или ижора — лишь довольно поздно отделившаяся часть карел.

Гипотеза «позднего» происхождения ижор наиболее широко распространена в трудах лингвистов. Её придерживались советский филолог Д. В. Бубрих [2], советско-эстонские лингвисты П. А. Аристэ [28] и А. Х. Лаанест [16–19]. Суть концепции заключается в том, что часть карел в промежуток времени между X и XII веками продвинулась в бассейны рек Невы и Ижоры. Впоследствии эта группа обособилась и стала известна под именем Inkeri (ижора), получив свое название от реки, впадавшей в Неву на юге. Территорией первичного этногенеза ижорского этноса тем самым признается территория между Гатчиной и рекой Волхов, берегами рек Нева и Ижора.

Гипотеза «одновременного» образования ижор и карел наиболее полно представлена в исследованиях финского лингвиста Р. Э. Нирви [30] и финского историка Х. Киркинена [10]. По их мнению, из области юго-восточного Приладожья, с территории близ реки Волхов, предки карелов начинают распространяться по трем направлениям. Во-первых, вдоль восточного берега Ладожского озера на север, на Олонец. Во-вторых, через Ладогу на северо-запад в район современного Приозерска. И, в-третьих, на запад, в долину рек Ижоры и Невы. Последняя группа впоследствии (период северных крестовых походов, XII–XV века), расселяется на позднейшие места обитания ижор: на север — на Карельский перешеек, на юг — на верхнее течение реки Луги, на запад — на реку Коваши и Сойкинский полуостров вплоть до устья реки Нарвы. Этногенез при этом, опять же, должен был иметь место в долине рек Ижора и Нева.

Оспаривает происхождение ижор от карел или их предков советско-эстонский археолог и историк Х. А. Моора [23]. По мнению ученого, основу формирования ижор образовал древний местный субстрат, издавна существовавшей в бассейне реки Невы. Место этногенеза ижор при этом не корректируется.

Ижоры занимали свою наибольшую территорию в период средневековья, при этом находясь в зависимости от Новгорода. По мнению О. И. Коньковой [14], территорию проживания ижор в те времена можно было ограничить следующим образом: от реки Нарвы на западе до реки Лавы на востоке; на юге до среднего течения реки Луги и верховьев реки Оредеж; на севере до лемболовских высот. Отметим, что границы описываемой территории расселения не совпадает с границами территории Ижорской земли, существовавшей в составе Новгородской республики. Это связано с тем, что реально ижоры проживали и за пределами границ этого административно-территориального образования.

Современные представители ижор проживают в основном в Ломоносовском и Кингисеппском районах Ленинградской области. Культурной столицей народа ижора считается деревня Вистино на Сойкинском полуострове южного побережья Финского залива.

Первые сведения о численности ижоры приведены российским этнографом П. И. Кёппеном [8]. По его сведениям, в 1848 году народ ижора проживал в Санкт-Петербургской губернии и Карелии, насчитывал 18 489 представителей.

Максимальная численность ижор была зафиксирована по переписи 1926 года и составила 26 137 человек. Здесь, правда, стоит отметить, что некоторые исследователи считают такую интерпретацию результатов недостоверной, вычитая из вышеупомянутой цифры 10 000 человек. Так или иначе, но именно 20-е годы XX века, а также первая половина 30-х годов стали для ижорского народа временем небывалого развития. Политика коренизации, проводимая советскими властями в это время, привела к созданию ижорской письменности, изданию учебных пособий на ижорском языке, образованию на территории современной Ленинградской области десяти ижорских сельских советов, где делопроизводство велось на ижорском языке.

С 1937 года начались обратные тенденции. Сначала в результате кардинального изменения национальной политики преподавание на ижорском языке было прекращено, а учителя репрессированы. Затем, в годы Великой Отечественной войны, территория расселения ижор оказалась под оккупацией Германии и Финляндии. Ижоры, оказавшиеся под немецкой оккупацией, массово отправлялись на принудительные работы, но в 1943 году Финляндия добилась от Германии права на депортацию прибалто-финнов на свою территорию. После войны большинство ижор хотели вернуться из Финляндии в родные места, но советская власть запретила им селиться на побережье Финского залива как неблагонадёжным. Вместо этого их расселили в областях центральной России. Впоследствии тем, у кого были близкие родственники на фронте, удавалось получить разрешение на возвращение в родные места (к тому моменту уже заселенные русскими), остальным же не разрешалось вернуться до середины 1950-х гг. (тех, кто возвращался, не имея на то разрешения, высылали в течение 24 часов). В результате многие ижоры переселились в более благоприятные для жизни места (прежде всего, в Эстонию) и остались жить там.

Все это оказало катастрофическое влияние на численность народа. По переписи 1959 года количество ижор, по сравнению с 1926 годом, уменьшилось более чем на 15 000 человек, зарегистрировано всего 1062 ижора.

В дальнейшем численность ижор неуклонно снижалась. Небольшое увеличение количества ижор (прибавилось около 100 представителей этноса) зафиксировано только в 1989 году по сравнению с 1979 годом. Это может быть связано с возрождением интереса к родному языку и культуре в среде прибалтийско-финских народов, инициативам по возрождению их этнокультурной идентичности, начало которым было положено именно в 1980-х годах.

В постсоветский период численность ижор вновь неуклонно снижается. По переписи 2010 году численность ижор в России составила 266 человек [6]. Большинство ижор (2/3) проживают в Ленинградской области, треть в Санкт-Петербурге, несколько десятков в других регионах России. Численность пассивных носителей ижорского языка по данным исследования 2013 года составляет около 100 человек, реальных носителей — несколько десятков. Это пожилые люди (около 60 лет), знающие язык на бытовом уровне благодаря тому, что в детстве говорили на нем в семье. До 2012 года (открытие первых курсов ижорского языка в д. Вистино) никто из них не умел писать на родном языке. Также стоит отметить, что несмотря на официальную численность в 266 человек, реальное количество потомков ижор составляет сегодня около

20 000 тысяч, а потому инициативу по возрождению ижорской этнокультурной идентичности должны быть рассчитаны именно на эту, более широкую аудиторию.

Ижоры, оставшиеся в Финляндии и Эстонии почти полностью ассимилировались. Чуть больше ижор зафиксировано в Эстонии — 50 человек в 2021 году, как в Санкт-Петербурге.

Традиционно ижоры занимались рыболовством, земледелием, скотоводством, охотой, гончарным и кузнечным ремеслом, вязанием и ткачеством [см. подробнее: 14, 15]. Они также издавна подрабатывали за счет речных и частично морских перевозок, население берегов реки Луга и её притоков занимались лесосплавом.

Главным занятием жителей берегов Финского залива было морское рыболовство. В деревнях, отдаленных от моря, рыбу ловили в местных реках и озерах. Несмотря на суровый климат, ловля рыбы носила круглогодичный характер. На рыбалку могли ходить как мужчины, так и женщины.

В каждой семье ижор сети, как правило, были свои, невод и лодка, напротив, обычно принадлежали сельской общине. На рыболовецких снастях и иных предметах, находящихся в частной собственности семьи, ижоры ставили специальные родовые знаки «тало-меркит». У каждого хозяина был свой знак, в деревне не было двух одинаковых. При передаче хозяйства старшему сыну, передавался в его ведение и старый знак. Другим сыновьям приходилось придумывать новый.

Для ижорских баркасов, весельных и парусных лодок характерно наличие деревянных якорей — чтобы якорь хорошо опускался на дно при бросании в воду, на нем закрепляли тяжелый камень. Еще один характерный признак ижорской рыбалки — высокие рыбацкие сапоги из кожи, в подошвы которых зашивали свинец. Они позволяли сохранять большую устойчивость в лодке при качке. Хотя при падении рыбака за борт, они угрожали утянуть его на дно, а поэтому в таких случаях снимались, несмотря на дороговизну и сложность производства каждой пары.

Из-за малой плодородности земель ижорское земледелие была весьма ограниченным. Выращивали в основном лён, овёс и рожь, в меньшем количестве сеяли пшеницу и ячмень, еще реже встречались горох и греча. Самой популярной овощной культурой изначально была репа (как у вепсов), однако в XIX веке её вытеснил картофель, который назывался ижорами буквально «земляные яйца» или «земляные яблоки».

Ижоры занимались разведением лошадей, крупного рогатого скота и овец. Несмотря на то что рыбачить могли как мужчины, так и женщины, пастухами у ижор были только мужчины. С собой пастухи брали специальную пастушью сумку с хлебом (зачастую пшеничным, что является свидетельством большого уважения к пастухам среди ижор, которые обычно употребляли белый хлеб только по праздникам) и традиционным ижорским паштетом «мунавой», из мелко нарезанных вареных яиц, смешанных со сливочным маслом.

Гончарное дело было развито только в д. Большое Стремление. Делали все, что только нужно было в крестьянском доме: горшки, миски, кувшины, чайники, сахарницы, умывальники. Пожилые женщины делали и глиняные

игрушки — то всадника на коне в военном мундире и шляпе, то просто коня с массивной грудью и четырьмя короткими ножками.

Ижорские женщины традиционно занимались обработкой льна и шерсти, вязанием теплых вещей. В начале XX века по ижорским шерстяным варежкам можно было определить, из какой деревни она происходит родом (каждой деревне был присущ свой орнамент). Правда, эти традиции стали постепенно забываться и сегодня уже никто не может сказать, откуда родом происходит тот или иной орнамент: современные жители, как правило, и сегодня утверждают, что вот такую клюковку только в их деревне делали, но и в другой деревне скажут, что эта клюковка их, то есть спор извечный и он продолжается.

По ижорским полотенцам тоже можно было понять, из какой деревни происходит родом девушка-мастерица. На них вышивали специальные знаки «кулянкерья», деревенский узор.

Полотно для полотенец изготавливали на ткацких станках. На них также делали льняные холсты для изготовления одежды и половики. Материалом для половиков служила старая одежда, которую разрезали на длинные полосы, лоскутки.

Крючком делали половики-кругляки. Подвид этих половиков делался из рыбацких сетей. Сети в XX веке делались колхозом «Балтика». Они очень прочные, тяжелые и крепкие, все еще в быту местного населения и являются визитной карточкой Сойкинского полуострова, поскольку больше нигде подобных не было.

Краски изначально были натуральными (корень подмаренника, ольховая кора, луковая шелуха). С начала XX века мастера стали переходить на анилиновые краски, которые покупали. В отличие от вепсов и северных русских красный цвет у ижор и води не преобладал, было разнообразие цветов.

Этнографические группы и диалектное членение ижорского языка. Ижорский язык относится к современным прибалтийско-финским языкам, к его северной группе (вместе с финским, карельским, вепским языками). Некоторые ученые используют более дробное деление, и ижорский попадает в северо-восточную группу (восточные диалекты финского языка, карельский, вепский, ижорский) [ср.: 2, 4, 10, 14, 16, 22, 24, 25].

Считается, что ижорский язык (как и другие прибалтийско-финские языки) развивался от единого прибалто-финского праязыка, который распался к началу нашей эры (н. э.). Явное сходство прибалто-финских языков на всех уровнях говорит о том, что праязыковой период длился долго в составе западной периферии прафинно-угорского, далее прафинно-пермского праязыков и далее в составе отдельного праязыка. Как правило, до сегодняшнего дня представители этих языков способны в основном понимать друг друга без привлечения языка-посредника.

По своему происхождению собственно ижорский язык исторически наиболее близок карельскому языку, однако в ходе эволюции претерпел сильное влияние восточных диалектов финского языка и води. Входил в весьма близкое соприкосновение с языком исконных (в т. ч. территориальных) соседей — води.

По мнению эстонского ученого А. Лаанеста, праижорский период начался не позднее первых веков II тыс. н. э., когда пракарельская общность

распадалась, но продолжали сохраняться тесные связи между диалектами-предшественниками [16–19]. В VII веке начался период, для которого характерно обособление ижорских диалектов и их распространение на известных ныне территориях.

В XVII веке по соседству с ижорами поселилось много финнов, что оказало большое влияние на ижорский язык. Позже ижорский вошел в соприкосновение с русским языком. В отдельных регионах имел связи с эстонским языком. В итоге в различных регионах ижорский язык вобрал в себя финские, эстонские, русские языковые влияния.

Исторически ижорский язык вбирал в себя 4 диалекта: *сойкинский* диалект (Сойкинский п-ов Кингисеппского р-на Ленинградской обл. и в некоторых районах к востоку от него); наиболее распространенный диалект; *хэваский* диалект (был распространен в Ломоносовском р-не, начиная от Копорья, по берегам реки Коваши (Хэваха/Хэваа) и в некоторых селах на побережье моря к востоку от устья, вплоть до Ломоносова); наиболее консервативный; *оредежский* (верхнелужский) диалект (Гатчинский р-н вдоль верхнего и среднего течения р. Оредеж и р. Луги), исчезнувший; *нижнелужский* (др. название — россонский) диалект (нижнее течение р. Луги, также по р. Россони и на п-ове Курголово Кингисеппского р-на).

Сойкинский диалект ижорского языка был самым многочисленным, сохранился лучше иных ижорских диалектов. В 1970-х годах на нем говорили примерно 1000 чел. Сейчас всего несколько десятков чел.

Нижнелужский диалект ижорского языка (многие фонетические особенности этого диалекта объясняются влиянием водского языка) существует до настоящего времени, но он малочислен.

На хэваском диалекте (название от реки Хэваа/Коваши) еще в 1970-х годах говорили примерно 100 человек, в основном только представители старшего поколения, к настоящему времени утрачен. Отдельные лица, помнящие этот диалект, встречаются и в других деревнях в окрестностях современного г. Соновый Бор. Носителей диалекта нет.

Оредежский диалект ижорского языка исчез уже к 70-м годам XX века. Последние записи в деревнях Тарасино, Нестерково, Озерешно, Воцко, Ольховец, Чаша и Новинка по берегам р. Оредеж были сделаны в 1950-е годы.

Ижорский язык мало исследован. Первым, кто обратил внимание на культуру ижор, был академик И.-Г. Георги — исследователь народов Российского государства, издавший в 1776 г. «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», где ижорам были даны краткие и довольно наивные характеристики. Однако в издании было приведено первое изображение ижорского костюма с надписью «Чухонка в уборном платье» [4].

Планомерные научные изыскания стали проводиться лишь в XIX в. Первым серьезным научным исследованием истории и культуры ижоры явился труд академика А. И. Шёгрена «О финском населении Санкт-Петербургской губернии...» [1, 3, 27], изданный на немецком языке в 1833 г. Извлечения из него были напечатаны в 1840 г. на русском языке. А. Шёгреном была сделана первая сводка русских и шведских письменных источников об ижоре, предприняты первые попытки объяснения происхождения ижоры и ранних этапов ее этнической истории, обследован язык. В 1846 г. им была осуществлена экспедиция

в Курляндию для изучения исчезающего племени «кревинов» — потомков нижнелужского смешанного ижорско-водского населения, в начале XV в. угнанных Ливонским орденом в Прибалтику.

Исследования А. Шёгрена были продолжены в трудах П. Кёппена [7–9], которым была кратко описана история ижоры до 1617 г., издан хронологический указатель материалов по истории ижоры. Но самым главным его трудом стала «Этнографическая карта Санкт-Петербургской губернии» и «Объяснительная записка» к ней [7]. Используя сообщения приходских пасторов о количестве прихожан на основе церковных книг и опираясь на материалы собственных поездок, П. И. Кёппену удалось проделать колоссальную по объему работу по выявлению местного финно-язычного населения. В том числе он дал полное и детальное описание численности ижоры по состоянию на 1848 год.

Первые записи на ижорском языке были сделаны в XVIII в. в связи с составлением словаря П. С. Палласа [21]. Издание, собравшее в себя информацию о различных языках и наречиях и включавшее в себя как материалы, собранные авторами, так и сведения из доступных опубликованных и рукописных источников. Книга, вышедшая в двух томах, была издана «по высочайшему повелению» Екатерины II большим коллективом авторов во главе с П. С. Палласом.

Основной сбор материала и исследовательскую работу по ижорскому (и др. прибалтийско-финским языкам) проводили исследователи финны, шведы, датчане, немцы [см. об этом: 20, с. 22–24]. Со второй половины XIX в. народы Ингерманландии с ее архаичным странным миром фольклора и древней культурой стали невероятно интересны особенно финским исследователям. Более 1000 ученых-финнов посвятили свою жизнь ижорским рунам, языку и культуре. Так, в 1885 г. В. Поркка (V. Porkka) опубликовал обзор об ижорском языке (диалекте), сопоставляя его с финскими диалектами Ингерманландии («Ueber den ingrischen Dialekt». Helsingfors, 1885). Позже финн А. Совиярви (A. Sovijarvi) описал фонетику сойкинского диалекта ижорского языка (Helsingfors, 1944) [3].

В Эстонии в 20-х годах XX века сформировался исследовательский центр языков в Тартуском университете под руководством проф. Л. Кеттунен, позже Ю. Мягисте. Именно Ю. Мягисте (Ju. Mägiste) описал историческую фонетику ижорских говоров в междуречье Нарвы и Луги («Rosona murde räajooned». Tartu, 1925), сделал обзор россонского диалекта [3].

В России в Петербурге XIX в. основы изучения прибалтийско-финских языков было заложено академиком А. М. Шёгреном [1]. Однако сразу после Октябрьской революции исследования были прерваны.

Последовательное изучение прибалтийско-финских языков в СССР началось в 1930-х гг. и было связано с практической задачей создания литературных языков и письменности для малых народов, в т. ч. для ижор.

Ижорский язык относился к числу бесписьменных языков, т. е. использовался только как разговорный. Но в 1930-х гг. была предпринята попытка создать письменность на основе латинского алфавита. В 1932–1937 гг. был создан и использовался некоторое время ижорский литературный язык. Графика его письменности была похожа на латинский алфавит карельской литературной письменности Калининской (ныне Тверской) области. Создателем ижорской письменности был исследователь ижорских диалектов В. И. Юнус [29].

В 1931 г. в Ленинграде в эстонско-финском педагогическом техникуме было создано ижорское отделение. С 1932 г. издательство «Кирия» стало печатать учебники на ижорском языке. Общий тираж изданий на ижорском языке насчитывал 25 тысяч экземпляров.

Первые ижорские книги были написаны на сойкинском диалекте, но школьная практика показала, что они малопонятны носителям другого диалекта — нижнелужского. Кроме того, носители языка к этому времени были уже двуязычными, т. е. уже не нуждались в практике преподавания ижорского языка на одном из его диалектов. В результате была предпринята попытка создания нового варианта ижорского языка, вбирающего в себя особенности обоих живых диалектов. Нормы «усредненного» литературного языка В. И. Юнус изложил в грамматике 1936 г. «Izoran keelen grammatikka. Morfologia. Opettajaa vart» [29]. Все последующие учебники ижорского языка редактировались с учетом этих норм.

В 1932 г. в 19 школах региона началось преподавание на ижорском языке. А через три года действовало уже 18 начальных и пять неполных средних (семилетних) ижорских школ. В ижорских сельсоветах работали два сельских клуба, четыре колхозных клуба, три библиотеки, восемь изб-читален, 12 красных уголков. В Ленинградской области начала выходить газета «Kalastaja» («Рыбак») на ижорском языке.

Однако с 1935 г. отношение к ижорам начало резко меняться. Было принято постановление «Об очистке пограничной полосы Ленинградской области и КАССР от кулацкого и антисоветского элемента», постановления о пограничном и паспортном режиме. Оно прямо касалось многих ижорских деревень Кингисеппского, Ораниенбаумского и Куйвозовского районов. В результате у «антиобщественных элементов» изымались паспорта, неугодных высылали. Трагическими для ижор оказались события 1936–1938 гг. После закрытия в 1936 г. эстонско-финско-ижорского педагогического техникума в Ленинграде многие преподаватели были арестованы и расстреляны. Расстрелян был и лингвист, создатель ижорской письменности, грамматики и ряда учебников В. Юнус (1938). По постановлению 1937 г. все ижорские школы были закрыты, учебники в течение двух дней изъяты, учителя арестованы. В 1938 г. были ликвидированы среди прочих национальных сельсоветов и все ижорские сельсоветы [11].

Репрессии приводили к гибели людей, к высылке семей и к отказу «выживших» от своего ижорского происхождения. Перепись 1939 г. нашла в прежде многочисленных ижорских деревнях лишь 7280 людей, признавших, что они ижоры [11, 26].

В 2007 г. попытка внедрить ижорский язык в школьную программу в качестве факультатива свелась к урокам краеведения, а не ижорского языка и вскоре угасла.

В настоящее время ижорский язык в школах не преподается (исключение составляет добровольный факультативный курс ижорского языка в средних классах Вистинской школы).

В фондах РНБ (СПб.) сохранились 25 учебников на ижорском языке, составленные В. И. Юнус, Н. А. Ильиным, Д. И. Ефимовым и др. (Н. А. Ильин тоже

был расстрелян в период сталинских репрессий). Это учебники по грамматике и чтению, арифметике и естествознанию.

В советской Эстонии языковедческая работа продолжала вестись в Институте языка и литературы АН Эстонской ССР и в Тартуском государственном университете.

В 1956 г. эстонский ученый П. Аристэ (P. Ariste) выпустил в «Трудах Института языка и литературы АН ЭстССР» (V т.) работу о диалектных текстах ижорского языка. П. Аристэ занимался прежде всего водским языком, но издал сборник текстов на сойкином и оредежском диалектах с лингвистическими комментариями [28].

Исследования выдающегося эстонского лингвиста А. Лаанеста (A. Laanest) основаны на материалах всех сохранившихся к середине XX в. ижорских диалектов. А. Лаанест в 1960-х гг. предпринял сбор текстов ижорского языка, сделал лингвогеографический обзор ижорского языка [19]. В 1966 г. А. Лаанест выпустил научную монографию по оредежскому диалекту ижорского языка, материал которой использовался в фундаментальных научных изданиях [16]. В 1978 г. А. Лаанест защитил докторскую диссертацию по исторической фонетике и морфологии ижорского языка [17, 18]. По мнению А. Лаанеста, ижорский язык произошел от древнего языка-основы, общего для ижорского языка и так называемых собственно карельских и восточно-финских диалектов. После начала распада языка-основы на отдельные диалекты между ижорой и предками финского племени эурямейсет, жившего в западной части Карельского перешейка, продолжали существовать тесные языковые связи.

Некоторые лингвистические особенности ижорского языка [по работам А. Лаанест: 16–19; О. Конькова: 12–14; Основы финно-угорского языкознания: 20; Ф. Рожанский, Е. Маркус: 22; Е. Цыпанов: 24]. Ижорскому языку свойственна нисходящая интонация (как в повествовательном, так и в вопросительном или восклицательном предложении). Мелодика не обладает смыслоразличительной функцией.

Главное ударение обычно падает на первый слог (иное положение возможно в заимствованиях, но нередко ударение все-таки смещается на первый слог). Ударный слог произносится с повышением основного тона. Каждый нечетный слог, кроме последнего, имеет второстепенное ударение. Пример смещения ударения в заимствованиях — *revoliissija* (революция) или *pačalnikka* (начальник).

Артикуляция гласных в ижорском языке близка артикуляции соответствующих гласных финского, карельского и эстонского языка. Как и другие прибалтийско-финские языки, ижорский отличается достаточно большим числом гласных, долгих и кратких. В отличие, например, от финского, в котором долгие гласные дифтонгировались, в ижорском долгота гласных сохранилась. Долгие гласные произносятся как значительно более высокие по подъему. Долгота носит смыслоразличительную функцию.

Состав согласных звуков в ижорском (в сравнении с финским) расширился за счет появления звонких смычных самостоятельных фонем *b*, *d*, *g* (в финском только *d*), фрикативных *s*, *z*, *ž*, *f*, аффрикат *ts*, *tš*. Встречается удвоение согласных. Палатализация (оглушение) согласных присутствует, но выступает

в ограниченной мере и г. о. связана с русскоязычными влияниями (больница → *pol'nitsa*; плуг → *plüka*).

В ижорском языке вместо *s(z)* обычно произносится звук, *промежуточный* между *š* и *z* (соответственно *z* и *ž*). Нередко последовательно произносят *š* и *ž* (даже в русских заимствованиях, например, электричка — *tritška*).

Типичен процесс озвончения. Имеются *полувзвонкие* согласные. Так, *s* между гласными и звонким согласным произносится как полувзвонкий *z*. Сохраняются дифтонги, широко распределено чередование согласных в формах слов.

Слоги, начинающиеся с согласного, встречаются чаще, чем слог с начальным гласным.

В области морфологии больших отличий от близкородственных языков нет. Корневая система обычно состоит из двух слогов, реже из одного слога. Присутствует чередование (чередование внутри основы нередко является единственным способом различения грамматических форм). Влияние русского языка сказалось на наличии притяжательных суффиксов (*ätti-n* — мой отец; *ätti-s* — твой отец).

Грамматического рода существительных нет.

Противопоставление по признаку одушевленности / неодушевленности проявляется только в случае использования вопросительно-относительных местоимений.

Грамматическое число присутствует у существительных и у глаголов, но в сочетании с числительными все существительные употребляются в единственном числе (пять мужчин — *vīs mēst*, «пять мужчина»).

Примечательно, что у ижор существует (как и в праязыках этой группы) двойственное число, которое не связано с парностью, например, частей тела — глаз, рук, ног, ушей (этот признак в ижорском не релевантен). В настоящее время двойственное число используется непоследовательно.

Падежные значения выражаются на уровне формы слова, но также предлогами и послелогами (*rojan kera* — с сыном).

Пассивного залога в глаголах нет, пассив выражается специальным показателем (*iuetän* — читают; *on luettu* — прочитано).

Различают четыре времени глагола: настоящее-будущее, прошедшее, перфект, плюсквамперфект.

Для выражения отрицания служит глагол отрицания, который изменяется по лицам, в то время как смысловой глагол употребляется без личных окончаний (*en luek* — я не читаю; *et luek* — ты не читаешь).

Влияние русского языка сказалось на проникновении в ижорский русских союзов и частиц (*a* — *a*, и — *i*, чтобы — *stop*). Служебные части речи безударны.

Новые слова образуются при помощи суффиксации или словосложения (*muna-картофель* + *jauho-мука* = *muna jauho-крахмал*).

Для выражения вопроса может использоваться частица-суффикс: *-k/-ka/-ka* (*tahotka maittoa?*).

Что касается лексики ижорского языка, то она в главном и основном состоит из исконной лексики прибалтийско-финских языков. По свидетельству специалистов, заимствования в прибалтийско-финские языки стали проникать с I или II тыс. до н. э. Прежде всего это были заимствования из балтийских

языков в сфере земледелия, строительства жилья, рыболовства. Позже проникли заимствования из германских языков. Исследователями констатированы и последующие исторические заимствования в т. ч. из славянских языков, из древнерусского.

Как уже было указано, в ижорском языке помимо «родственных» заимствований (финский, водь) регулярно происходили и продолжают происходить заимствования из неродственных языков, в последние десятилетия г. о. из русского, в силу длительных и интенсивных контактов с ним. При этом следует заметить, что сам русский язык среди ижоры в течение долго времени был мало распространен. Даже в 1927 г. советские исследователи отмечали сравнительно плохое знание ижорами русского языка, несмотря на то что почти все население издавна было обращено в православие, соседствовало с русским населением и носило русские имена. Мужчины, которые в 1920-х годах часто ездили в Ленинград с салакой и корюшкой, как правило, могли говорить по-русски, женщины же знали русский язык слабо, а пожилые люди совсем не понимали русской речи.

Как понятно, области лексического заимствования преимущественно охватывают сферы быта, производства, технологий, культуры. Но наиболее репрезентативна «именная» лексика.

Антропонимы у ижор имеют, как правило, русское происхождение, но при этом издавна использовались варианты личных имен, приспособленные к особенностям ижорского языка: Миффо (Мифодий), Огру (Агриппина), Оккули (Акулина). У хэваских, сойкинских и нижнелужских ижор к ним часто присоединялся уменьшительный суффикс -ой: Маарой (Мария), Мигой (Михаил), Катой (Екатерина), Петой (Петр), Силой (Сильвестр), Ивой (Иван).

Наиболее распространенными у западных ижор были фамилии, образованные от личных русифицированных имен. Конечно, в ижорских деревнях эти имена и отчества звучали иначе: Петра Еремеева называли Еррома Петой (Логи, Сойкинский полуостров), а Григория Емельянова — Омельян Кико (Краколье, Нижняя Луга). Любопытно, что еще в 1920-е годы ижоры не сохраняли отцовскую фамилию, обычно производную от имен собственных, а носили фамилию по имени деда. Например, у Владимира Игнатьевича Петрова сын был Иван Владимирович Игнатъев, а внук — Василий Иванович Владимиров. Устойчиво фамилии закрепились лишь с 1920-х годов. Произошло это по требованию советской власти, желавшей порядка в употреблении фамилий.

Фамилии, образованные от названий профессий, у ижор очень редки и часто бывают переводными: так, происхождение известного певческого рода Мельниковых в Софолово на Карельском перешейке легенда связывает с человеком по фамилии Мюлляри («мельник»), родом из Никуляс, где такая фамилия бытовала у финнов. Изредка встречаются у ижор фамилии, образованные от названий животных — как, например, Волковы, Сорокины, но и они в деревенской речи звучат как Сузи («волк») и Харакка («сорока»).

У ижор Карельского перешейка встречались как «русские» фамилии (Булкины, Коченовы, Подуловы), так и «финские» — Арикайнен, Валгонен, Виролайнен, Керро, Кокка, Лембинен, Туокко, Хайгонен. Некоторые фамилии «финского» облика бытовали только у ижор: Калккинен, Пиринен, Утту,

Ховатти. Обратившись к северным ижорам бывших финляндских волостей Рауту и Метсяпиртти, можно обнаружить фамилии, тоже встречающиеся только у ижор: Интке, Яске, Онтронен, Ратинен. Ряд фамилий в волостях Рауту и Метсяпиртти представлен как у православных ижор, так и у финнов-лютеран: Васкелайнен, Сорвали, Соякка, Хаукка. Некоторые из этих фамилий (Онтронен, Васкелайнен) образованы от православных форм христианских имен.

Ижоры некоторых нижнелужских деревень бывшей Наровской волости, входившей с 1920 по 1940 г. в состав Эстонии, имеют эстонские фамилии. По эстонскому закону о фамилиях от 1921 г. лица, не имеющие фамилии, обязаны были выбрать ее себе, и многим ижорам были буквально «навязаны» популярные эстонские фамилии: Вески, Кала, Каск, Киви, Лайн, Луми, Метса, Мянд, Пихлак, Пылд, Пяяр, Рауд, Роози. Иногда эти новые эстонские фамилии ижор были созвучны их прежним русским фамилиям: Буцин > Пусси; Гулин > Куули; Деркин > Терки; Решкин > Рески; Соколов > Сакала; Хитров > Хитро (д. Венкуль).

На некоторые фонетические, грамматические, морфологические, стилистические влияния было указано выше.

Словарная работа с ижорским языком. Первые сведения об ижорском языке собрал Ф. Туманский в 1789 г. и представил в виде 449 слов «ямского наречия» в своем рукописном словаре.

Списки ижорских слов были опубликованы в XVIII в. в связи с составлением словаря В. Палласа.

Как уже было сказано, в 1885 г. финский ученый В. Поркка опубликовал первое специальное исследование языка ижор, которое содержало некоторый массив словарного материала.

Небольшие «рабочие» словари содержали учебники ижорского языка 1930-х годов, о которых шла речь выше.

Однако словаря ижорского языка в научном смысле слова не существует до настоящего времени.

В 2021 году была предпринята попытка создания «Русско-ижорского разговорника» (составитель Н. А. Дьяков, сотрудник Музея ижорской культуры в д. Вистино) [5]. За основу был взят сойкинский диалект ижорского языка. Разговорник включает разделы: *Язык* (11 выражений), *Приветствие* (18 выражений), *Знакомство* (16 примеров обращений и ответов), *Полезные фразы* (30 обращений, вопросов, оборотов), *Числительные* (от 1 до 10, десятки, до 100, до 1000, до 2000), *Время* (8 определений, вопросов и ответов), *Дни недели* (24 примера). «Разговорник...» можно рассматривать в ряду словарной научной работы с определенными упрощениями, однако его автор, Н. А. Дьяков, предпринял первую в новейшее время попытку реставрации, сохранения и фиксации ижорского языка.

Можно заключить, что существование языка на этапе двуязычия является сегодня единственной формой бытования ижорского языка.

Ситуация с ижорским языком осложняется тем, что он не преподается в школе и во многих семьях нет ни одного носителя ижорского языка. Одной из немногочисленных функций ижорского языка сегодня является его «тайная» (как поясняют носители языка) функция: ижорский язык используется

носителями языка для того, чтобы их другие не поняли [26, с. 123]. Тем не менее желающие изучать ижорский язык появляются и сегодня, хотя их значительно меньше, чем раньше.

Основная проблема сегодня — в отсутствии компетентных преподавателей ижорского языка. Среди носителей ижорского языка, хорошо владеющих им, остались только пожилые люди, уже не способные преподавать ижорский язык в школе, а молодые носители языка не проявляют активности в обучении ижорскому языку.

Между тем с ростом научного интереса к ижорскому языку некоторые жители Сойкинского полуострова сами начинают интересоваться родным языком: организуют сообщества, посещают классы, кто-то самостоятельно начинает учить язык, они становятся участниками ансамблей с пением песен на ижорском языке и др.

Однако оптимизма относительно дальнейшего развития ижорского языка нет как у носителей языка, так и у интересующихся жизнью и культурой этого народа энтузиастов. На современном этапе остается только активнее заниматься «консервацией» остающихся реалий жизни, культуры, языка редкого и уникального ижорского народа.

Между тем перспектива изучения ижорского языка в Институте народов Севера в РГПУ им. А. И. Герцена (С.-Петербург) могла бы сдвинуть с «мертвой точки» историю уникального этноса и его языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бранч М. Андерс Йохан Шёгрен // Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий / ред. Т. Вихавайнен; пер. с фин. И. М. Соломеща. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. 814 с.
2. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 51 с.
3. Ведущие языковеды мира: Энциклопедия / гл. ред. А. Юдакин. М.: Сов. писатель, 2000. 915 с.
4. Готтлиб Г.-И. О народах финского племени, известных по истории российской под общим именем Руссов. СПб., 1799. 76 с.
5. Дьячков Н. А. Русско-ижорский разговорник. СПб.: Б.и., 2021. 40 с.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. / подгот. Э. С. Набиуллина и др. М.: Статистика России, 2012.
7. Кёппен П. И. Этнографическая карта Европейской России. СПб.: Русское геогр. о-во, 1852.
8. Кёппен П. И. О народных переписях в России. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1889. 94 с.
9. Кёппен П. И. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кёппеном / Напечатан иждивением его сиятельства графа Федора Андреевича Толстова. М.: Тип. С. Селивановского, 1822. 119 с.
10. Киркинен Х. История карельского народа / Х. Киркинен, П. Невалайнен, Х. Сихво. Петрозаводск: Барс, 1998. 321 с.

11. Книга памяти финнов: в 2 т. / Гильди Л., Брауде М. СПб.: Изд. Ёйоль, [б. г.]. 656 с.
12. Конькова О. И. *Ingeroin keel*. Учебное пособие по ижорскому языку. СПб., 2014. 84 с.
13. Конькова О. И. *Vad'da seeli*. Учебное пособие по водскому языку. СПб., 2014. 84 с.
14. Конькова О. И. *Ижора. Очерки истории и культуры*. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 247 с.
15. Королькова Л. В. *Традиционное жилище вепсов, води и ижоры*. СПб.: Инкери, 2015. 39 с.
16. Лаанест А. *Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование*. Таллин: [б. и.], 1966. 182 с.
17. Лаанест А. *Ижорский язык // Языки мира. Уральские языки*. М.: Наука, 1993. С. 55–63.
18. Лаанест А. *Ижорский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки: в 5 т. / под ред. В. В. Виноградова*. М.: Наука, 1966. С. 102–115.
19. Лаанест А. *Историческая фонетика и морфология ижорского языка*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Таллин, 1978. 345 с.
20. *Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финский, саамский и мордовские языки* / отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Редее. М.: Наука, 1975. 346 с.
21. Паллас П. С. *Сравнительные словари всѣх языков и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки*. Ч. 1. СПб., 1787. Ч. 2. СПб., 1789.
22. Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б. *Ижора Сойкинского полуострова: фрагменты социолингвистического анализа // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. СПб., 2013. № 3 Т. 9. С. 262–265.
23. Харри Альбертович Моора: Персон. указ. лит. / сост. С. Р. Якобсон; авт. вст. ст. Ю. Селиранд. Таллинн: Б-ка АН ЭССР, 1989. 79 с.
24. Цыпанов Е. А. *Сравнительный обзор финно-угорских языков*. Сыктывкар: Кола, 2008. 216 с.
25. Чернявский В. М. *Ižoran keel (Ittseopastaja)*. Ижорский язык (Самоучитель). 2005. 300 с.
26. Чушъялова А. П. *Исчезающие финно-угорские языки Российской Федерации на примере ижорского языка (опыт полевого исследования) // Ежегодник финно-угорских исследований*. 2010. № 3. С. 123.
27. Шёнгрэн Андрей Михайлович // *Карелия: энциклопедия: в 3 т. / гл. ред. А. Ф. Титов*. Т. 3: Р–Я. Петрозаводск: ПетроПресс, 2011. 384 с. С. 281–282.
28. Ariste P. *A Grammar of the Votic Language*. Bloomington: Indiana University, 1968. 121 с.
29. Junus V. *Izoran keelen grammatikka. Morfologia. Opettajaa vart*. L.-M.: Тип. Ко-минтерн (Л.), 1936. 140 с.
30. Nirvi R. E. *Inkeröismurteiden sanakirja*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1971. 730 с.